

Ты чёрные руки положишь
на белую скатерть.
Кто был здесь в гостях —
позавяжешь на память узлы.
Разломишь картоху — великая
вечная Матерь,
Вся в чёрных морщинах чернее
земли и золы.

Зарю над деревней твоей
повернуло на полночь,
И звёзды над Каспией на волок
идут посолонь.
Ты смотришь во мрак и,
беззубая, шамкаешь: «Помню!»
И в старой печи поднимается
Вечный огонь.

ДНЕПРОВСКИЕ СТРОФЫ

1

Шумят в старинных поймах
ковыли
Седые строки повести былинной,
А над Днепром опять закат
в крови,
И ничего не скажет о любви
Земной судьбы податливая
глина.

Сомни её устало в кулаке,
Слепи в извечном поиске исхода
Солдата и, поставив на песке,
Подумай, что сомнительна
свобода.

А там, в тени под ивами, в воде,
Зелёной тиной — камуфляжа
пятна,

И словно кровь — лучи
на бороде
Застреленного русского солдата.
И водоросли-волосы скользят
У берега косой девичьей
длинной.
Кувшинкой вышит свадебный
наряд

Зеленоглазой Мавки с Украины.
Вас Днепр свёл, течением
времен
В верховья вечной памяти
забросив.
Ведь сказано в преданиях
племён —
Любите, дети. С вас никто
не спросит.

Отхлынет эхо долгое войны,
Как алый отблеск вечного
былого.

Вы были влюблены.
Погибли вы.
Но всё пройдёт и всё вернётся
снова.

Солдат опять отправится
в поход
И ночью вновь напорется
на мины.

И Днепр из трав речных опять
совьёт
Венок для Мавки — Мавки
с Украины.

Но вы, чья плоть в ручьях
речной травы,
В тяжёлых зёрнах зреющих
колосьев, —

Любите больше.

Пусть погибли вы —
Вы всё прошли. С вас вечной
мерой спросят.

На мягкой глине и речном песке
Днепровских пойм запишется
былина,
И вновь сомнётся медленно
в руке
Земной судьбы податливая
глина.

2

Гей, батька Днепр!
Красна былин ладья,
Полна старин скрипучая телега!
Но шевельнулась древняя змея
В седом кургане вещего Олега.

Гей, старец Днепр!
Ты узок стал на вид —
Ни прежних вод, ни прежнего
размаха.
Но рощица осенняя горит,
Венчая холм, как шапка
Мономаха.

И за неё по-прежнему война
Идёт, и кровь багрит твои
равнины.
И бьётся у врагов в плену
княжна —
Запроданная Мавка Украина.

И русский князь опять не спит
ночей,
Пытая долю в битве
сокровенной,
И на лихих ярит степных коней,
И шлёт родимым восточку
из плена.

Но утро ясно. Небо высоко.
И ласточки ещё не закричали.
И видно — на столетья далеко,
Как будто мир ещё в своём
начале.

Как будто Игорь не попал
в полон,
И Муромец ещё в седле и славе,
И жив отважный генерал
Скалон,
И Тёркин лишь подходит
к переправе.

И Святослав встаёт на стремена,
В ковыль времён врежая битв
подкову.
И мчатся скакуны Бородина,
И рвутся в сечу кони Куликова.

И ясно, что, преданий не ценя,
Мы что-то пропускаем, хоть
и знаем, —
И вновь родного предаём коня,
И от коня, как прежде, погибаем.

А над рассветом, в огненной
бронь,
Былиной неразгаданной
для внуков
Летит святой Георгий на коне,
И рядом на коне —
Георгий Жуков.

3

Здесь всё славянской речью
поросло.
Роняют сосны смол янтарных
сгустки.
Пускай течением ила нанесло —
В днепровском русле льётся
древнерусский.

Здесь на прибрежном мху валун
седой

Тропой бредёт века к святым
печерам,
И буквицы-стрекозы над водой,
В слова слагаясь, дышат вечной
верой.

Здесь все кувшинки, перечни
имён,
Осоки и предания былого,
Теченья рек, речения племён
Сливаются в священном русле
в Слово.

Над соснами и вечным ходом
вод
Оно шумит старинною свободой,
И Книгой Жизни синий неба
свод
Простёрт над поймой —
летописным сводом.

Здесь Третья вавилонская война
Ещё не разделила мир наветом.
Едина речь. И слиты племена
В глаголе — как перед кончиной
света.

Здесь можно ясно вспомнить
и назвать
Живых и мёртвых предков
поимённо,
И над Законом льётся Благодать,
Снимая с мира тяжкий крест
Закона.

И снится руслу ныне и поднесь
Ладья и парус — вечная дорога —
И речь, где тихим выдохом:
«Аз есмь!» —
Плывёт сквозь ночь святое
Имя Бога.

4

Ой, Днепр, Днипро, река
славянских слёз!
О русской славе и о русском
горе
Береговушки свищут возле
гнёзд,

И с каждым годом всё кровавей
зори.

И глиняная летопись времён
Слезой плывёт в подкове
оберега.

Но чутко спит и видит чёрный
сон
Змея в кургане вещего Олега.

В нём танки ищут в брешах
века ход —
Немецких свастик пауки косые,
И Киев-Змий к святым мощам
ползёт,
И Киев-Вий хватает меч
Андрия.

Да ты незряч, как всякий
курослеп,
Бандер и ляхов смрадный улей
виев!

Но на конях с Небес Борис
и Глеб
Летят, спешат в великий город
Киев!

А там, в проломе княжьей
высоты,
Ещё недавно ясно золотые,
Сияют Лавры чёрные кресты
Над рухнувшим крестом
Святой Софии.

Ты отдавал за други жизнь свою.
Здесь в бой выходят.
Здесь творят святое.

Войной священной вышел
здесь народ
Пасть с честью или выжить —
за свободу!
В разрывах пуль и мин Христос
идёт
По красным водам,
по днепровским водам.

Он отдал жизнь — и знает цену
ей,
До капельки пролитой
без приказа.
И смотрят сквозь прицелы
веселей
Глаза бойцов российского
спецназа.

Где Тёркин переходит реку
вброд,
На переправе горюшко солдатам!
Христос протянет руку, и спасёт,
И выведет бойцов, как в сорок
пятом.

Рванув вперёд врагам наперекор
Под долгожданный рокот
вертолёта,
Бинтами обмотав земной
простор,
Работает уставшая пехота.

По свастикам немецким лупит
«Град»,
Бьют «Солнцепёки» — новые
«Катюши»,
И прямо в рай от красных вод
летят
Святых бойцов искупленные
души.

— Христос Воскрес!
Живой Христос — с тобой!
Ликует солнце в поднебесных
сводах.
Мешая кровь бойцов с речной
волной,
Владимир крестит Русь
в днепровских водах.

Строчит прицельно вражий
пулемёт.
В рубахе из холщового тумана
Христос идёт по руслу древних
вод.
У сердца — окровавленная рана.

6

Нет, Днепр Славутич, музы
не молчат,
Когда прицельно бьют по нашим
пушки.
И Нестору о подвигах кричат
И в клювах кровь несут
береговушки.

Он пишет кровью павших до утра
Победы повесть с вестью
похоронной,
Пока на ивы старого Днепра
Ложится тень от вражеского
дрона.

Черны кресты. Кровав в полях
восход.
Солдатской кровью всходят
в поймах маки.
Но бьёт, не умолкая, пулемёт
В десантной, смертной,
доблестной атаке.

Здесь живы все!
У Бога мёртвых нет!
И надо смерть пройти и боль
осилить.

Ещё горит в пещерах Лавры
свет,
И Нестор пишет правду
о России.

За годами и снегом не видно
во мгле,
Что нам Бог на земле
приготовил.
Светит роза сухая на тёмном
столе,
Словно сгусток запёкшейся
крови.

В тёмных синих подпалинах —
маковый зов
Обречённого на смерть рассвета.
В красных зевах засохших
без влаги цветов —
Полыхание мрака и света.

Затянуло фрамугу узорами льда,
Паутиной седого мороза.
В мирозданье за рамой замёрзла
вода.
Это я — твоя чёрная роза.

Это мне — предназначено ждать
и терпеть,
Тлеть и вянуть, считая напасти,
В паутине сухими цветами гореть,
В алый прах рассыпаясь
от страсти.

Но другая звенит мне над снегом
звезда,
Потому, как позор и проклятье,
светил!

Уходя, забываю тебя навсегда,
Размыкая чужие объятия.

И сквозь годы и снег ощущаю
спиной,
Как с весёлой и дерзкой отвагой,
Раскрасневшись от ветра
свободы шальной,
Лепестки наполняются влагой

·

Горят мне звёзды, говорит
мне рок,
Грозит мне смерть, смакуя
слово «прах».
Но солнцем жжёт огонь
в разрывах строк
И вспыхивает вьюгами в мирах.

А в подворотне старенький
фонарь
Скрипит всю ночь — киваю
фонарю.
В морозный шарф закутавшись,
январь
Летит по льдинам...
Я опять люблю...

И учит непрожитая зима
Вставать со льда, собрав
осколки сил.
...Но что мне целый мир,
коль я сама —
Вселенная в снегу ночных
светил!